

Виктор КУТКОВОЙ

г. Великий Новгород

Утренний луч солнца бил в окно. Обнаружил себя черноватый дым свечей, который тут же перемешивался с клубящимся голубым дымом диаконского кадила.

Георгию Шалашникову казалось, что при посредстве луча сам Бог наглядно высвечивает в душе скопившиеся грязью слои грехов.

И когда подошла очередь Гоши исповедоваться, то он сообщил о своих частых опозданиях на богослужения. Отец Трифон немного помолчал и вкрадчиво произнёс:

– Благословляю служить в алтаре.

Ровно через неделю Шалашников пришёл на полчаса раньше начала литургии.

Священник, как всегда, принимал исповедь. Заметив Георгия, он движением руки показал, чтобы тот проходил в алтарь.

Два знакомых семинариста (братья-двойня) уже были там и, присев на широкую трубу отопления, служившую батареей, экзаменовали друг друга по догматическому богословию. Но, увидев входящего Гошу, они встали и троекратно с ним облобызались.

– Отец Трифон молвил – будешь помогать нам по службе, – манерно налегая на букву «о», произнёс Адам. Ростом он уродился немного ниже Богдана, потому казался чуть моложе.

– Это не честь, а епитимья по грехам, – признался Шалашников.

Братья, усмехнувшись, помогли ему правильно сложить стихарь, дали крестом вверх на руки, и новоиспечённый алтарник отправился за благословением к отцу Трифону. И, когда Георгий вернулся в алтарь, Богдан его встретил вопросом:

– Скажи, сколько воле у Господа нашего Иисуса Христа?

– Нет, ребята. Не впутывайте меня в свои

ПОД
ВОДОЙ
РАССКАЗ

рассказ

игры. Иначе взаимно начну пытаться о Баухаузе или хайтеке, — последовал ответ.

Богдан почти обиделся:

— Сравнил! Догматы должен знать каждый православный христианин.

И он, обращаясь к Адаму, скомандовал:

— Давай!

Адам устоялся в одну точку, стих, а потом, изредка постреливая глазом в Гошу, заработал губами:

— В начале седьмого века при византийском императоре Ираклии возникла ересь, получившая название монофелитской. Слышал про такую? Её сторонники учили, что Господь имел две природы (божественную и человеческую), но единую волю, разумеется, божественную. Церковь выстояла подвигом Максима Исповедника и его учеников. Советую запомнить имя означенного преподобного отца — пригодится. Ересь была осуждена на Шестом Вселенском соборе в шестьсот восьмидесятом году. Отцы Собора провозгласили: Христос имеет две воли, но человеческая подчинена божественной. Это следует уже не запомнить, а зарубить на носу.

Георгий облачился в стихарь, показавшийся ему неким далёким, но мистическим родственником тонкой византийской кольчуги; закрыл глаза, сосредоточился, вздохнул и «расплатился»:

— Во-первых, догмат провозглашён и утверждён чуть позже — в шестьсот восемьдесят первом году. Это было результатом заседаний Собора, то есть итогом, но никак не началом работы. Во-вторых, верите ли вы в своё спасение для вечности?

Братья переглянулись. Адам, разводя руками, озабоченно произнёс:

— Кто знает, сколько мы ещё нагрешим...

Осваивая прорези в стихаре для достижения своих брючных карманов, Шалашников притворно удивился:

— Вы — будущие пастыри — не верите в своё спасение?! В таком случае как же собираетесь спасти паству?

— Ну, допустим, мы верим, — откликнулся Богдан. — И что?

Гоша покачал головой:

— Спасшиеся для вечности уже пребывают в

ней. А коль так, то и мы с вами являемся из вечности не только свидетелями Собора, но и его участниками.

— Ну ты даёшь! — нараспев протянул Адам, снова переглянувшись с Богданом.

— Что тебя поражает? — спросил Георгий, доставая расчёску. — Да мы с вами прямо сейчас находимся в вечности!

— Это как? — попробовал уточнить Богдан.

— Алтарь храма и есть вечность, — отозвался Шалашников и на ощупь причесался.

— Ну ты даёшь! — засмеялся Адам. — И на каком же Соборе мы сегодня присутствуем?

— На Шестом Вселенском. Ты сам пересказал его догмат, — невозмутимо ответил Гоша и ловко отправил расчёску в карман. — Именно поэтому положительная воля людей и побеждает отрицательную, что меньшинству живых праведников в любой точке земной истории помогает сонм праведников из вечности, под её знаком — *sub specie aeternitatis*. Таким образом через людей вершится воля Божественная по сию сторону бытия.

Богдан, пряча улыбку в уголках рта, предложил:

— Не пора ли, братие, во исполнение воли Божией приступить нам к исполнению своих обязанностей?

После чего вручил Адаму и Георгию по тонкой пачке записок о здравии живущих и об упокоении душ усопших.

— Читаем, — крестясь, согласился Адам.

О соборной воле праведников Гоша почему-то вспомнил во время поиска дома Надежды. Причин вроде бы и не было...

Шалашников необъяснимо почувствовал, что эта воля противостала его желанию видеть девушку. Заговорила совесть? Нет. Никаких угрызений на сердце — душа пребывала в состоянии младенца. Но младенца разбудили; он сидел, протирая глаза, и пытался понять, по какой причине ему не дают спать; даже не плакал.

С Надей Гоша познакомился на выставке.

Это был заказ — следовало оформить промышленный павильон ко Дню города. Девушка настойчиво упрасивала представить продукцию её фирмы по возможности заметней. Георгий сначала отмахивался от подобных просьб, доносившихся с разных сторон (коль на каж-

дую из них откликаться согласием, то не соберёшь экспозицию — всё в ней станет главным), но милое, умное лицо просительницы, украшенное светлыми веснушками по обе стороны трогательно правильного носа, красивый рот, особенно при улыбке, вобравшей в себя некий тайный смысл, постепенно вершили своё дело. Гоша умом сопротивлялся неизбежным приключениям, а душа, как античная сирена, разубеждала его, считая приключения заманчивой романтикой. Воля молодого человека за пядью пядь отдавала сокровенные территории под напором учащающихся улыбок. А когда выяснилось, что Надежда серьёзно увлечена поэзией, то Георгий не устоял перед соблазном блеснуть своими стиховедческими познаниями.

Вот он и шёл к девушке слушать её до сих пор неведомые вирши. Да и ради них ли одних?

Переполненный предвкушениями, Шалашников свернул в тёмную низкую арку.

После яркого солнца во тьме глаза слепли. Ориентиром служил слабый свет во дворе-колодце. Громко раздавались собственные шаги. Звук отдавался вверх под сферой.

Георгий подумал, что здесь вполне можно снимать детективный фильм. Ну и Надежда! Неужели она живет в столь мрачном месте?

И предчувствие не подвело: любитель поэзии, углубившийся до середины арки, внезапно, дерзко, отчаянно был атакован: справа кто-то его так сильно схватил и дёрнул за шиворот, что он просто влетел в дверной проём, после чего дверь громоподобно захлопнулась.

Вот на такие приключения Гоша всё-таки не рассчитывал. Что за дела? Неужели промышляет обнаглевшая шпана? Или незаметно вдруг возник из темноты безызвестный ревнивец и решил мстить? Других причин вроде бы нет.

Шалашников сжал в булыжники кулаки, приготовившись к драке.

Но кто это?

Георгий от удивления приоткрыл рот.

Перед ним во весь свой средний рост стоял сухой, поджарый дед, с дымом седых волос на голове и в бороде. Потрясающе! На старике ладно сидел светлый подрясник, особенно подходивший к сизоватым сединам. Талию

обхватил узорочный пояс искусной золототканой работы. Морщинистое скуластое лицо лучисто светилось добротой.

— Однако есть ещё порох в пороховницах! — с изумлением и в то же время смеясь изрёк Георгий. — Бывший самбист? Давненько меня никто так не таскал...

Вместо ответа старик взял Гошу под локоть и повёл по бесконечно длинному коридору.

— Куда это мы? — недоумевая, спросил незадачливый любовник. — И вообще, что происходит?

Старик безмолвствовал.

Шалашников не сопротивлялся, почувствовав нечто важное впереди. Следовало учитывать и силу старца; к тому же церковный вид, благодатность, спокойствие, доброта на ясном лице вызывали исключительно доверие и только доверие. Тем не менее странность свалившихся обстоятельств давала о себе знать. «Надеюсь, не на заседание же масонской ложи идём!» — успокоил себя Георгий.

Бесконечная алебастровая стена коридора, огромная и чистая, с тремя нишами закрытых белых дверей была расписана множеством изображений незнакомых лиц, подавляющее большинство из которых являлись детскими. Опытный глаз Гоши уловил полное отсутствие в них всякой сусальности. На проходивших мимо смотрели взрослым острым зраком дети со всех концов света.

— Чьи это портреты? — поинтересовался Шалашников.

— Это не портреты, а лики мучеников и страстотерпцев, — ответил старец.

— Почему же здесь так много детей?

— Потому что столько их убивают взрослые люди.

— Где, когда и какие мерзавцы?

— Каждодневно в материнских утробах и реже на войнах. Ну, а кто — сам догадайся. За счёт младенцев чин страстотерпцев — самый многочисленный.

Старец и Георгий приблизились к одной из бронзовых дверей. Она тут же открылась. Навстречу вышел кудрявый молодой человек, под опеку которого старец и передал Гошу, совсем истомлённого любопытством.

Лицо нового спутника отличалось изыскан-

ной восточной тонкостью, переходившей в своеобразную красоту. Грузин? Особенно выразительными были крупные карие глаза, неотразимо притягивавшие к себе Георгия (в радужных оболочках померещилось даже его собственное отражение). Крепкий бритый подбородок придавал волевой, но не хищный вид. За таким парнем бесстрашно шагнёшь в огонь и в воду.

— Что происходит? — поинтересовался у него Шалашников.

— Сейчас увидишь. Прошу лишь об одном: говори правду, — чисто по-русски, без акцента ответил незнакомец.

Они оказались в тесном полутёмном притворе. Литая массивная дверь в храм была заперта.

Что-то знакомое показалось Гоше.

Но не успел он подумать о своём, как дверь распахнулась и статный красавец ввёл Георгия в храм, залитый убажжающим душу холодноватым утренним светом.

Невероятно!

Это именно тот храм, в котором он, Шалашников, с недавних пор и алтарничает. Всё-таки бывают чудеса на свете...

Гоша искал взглядом отца Трифона, но не находил. Странно...

Зачем приводить человека в храм через малопонятную интригу, если он по воскресеньям и церковным праздникам сам исправно посещает богослужения?

Раздался знакомый женский голос:

— Раб божий Георгий Шалашников. Полный возраст — тридцать один год. Из них более двух лет — в церковном браке с рабой божией Аполлиной. Детей нет. Профессия — дизайнер. Несёт послушание алтарника во славу Божию, то есть бесплатно. Обвиняется в нарушении клятвы супружеской верности...

Голос доносился сверху. Гоша понял: с хоров. Улучив момент, он метнул туда взгляд и убедился в правильности своего предположения. Говорила она — Надежда, почему-то одетая во всё чёрное. «Неужели у неё траур? Наверное, для строгости», — решил Георгий.

Он почти разгадал тайну улыбки.

Стало быть, Надя умышленно подстроила эту западню?

Шалашникову случайно подвернулось слово «спектакль», о которое он ожёгся и отбросил мгновенно.

Театр в храме невозможен. Разве позволили бы нечто подобное отец Трифон, известный строгостью на всю округу? Дело слишком серьёзное...

— Поклонись Великому Архиерею, — настоятельно предложил проводник, пригибая спину Гоше.

Тот же лишь сейчас заметил в потоке света, бьющего чуть ли не ярче прожектора, подобие величественной фигуры, восседающей на горнем месте. Или на Престоле? Попробуй разбери, глядя на солнце... По обе стороны от светоносца двенадцать других архиереев расположились на длинных скамьях, обычно пустых во время иерейского богослужения.

На свет невозможно было смотреть.

У Георгия подкосились ноги, и он упал ниц. Стало страшно.

— У этого раба Божия остаётся возможность быть оправданным и попасть в Царство небесное, — тихо произнёс кто-то из епископов.

Лысый диакон с осанкой столичного профессора, держа орарь в поднятой руке, огласил басом:

— Люди свидетелие, воидите по иерархии!

Шалашников понял, что он действительно смотрит на происходящее практически из вечности; во всяком случае, находится на её пороге.

Первым явился и стал на амвоне отец Трифон.

— Что ты можешь сказать о предстоящем рабе нашем, сын мой? — послышался из света властный голос.

Священник, посмотрев на коленопреклонённого Георгия, медленно ответил:

— Я его духовный отец. И если он в чём-то виноват, накажи прежде меня. Да, не святой, но на исповеди он постоянно и чистосердечно кается в своих грехах. От коих я и разрешаю людей властью, данной...

Диакон, остановив священника, передал ему благословение Великого Архиерея пройти в алтарь.

Гоша уткнулся лбом в пол и лежал ни жив ни мёртв. Однако кудрявый незнакомец решительно поднял его с колен.

Почему незнакомец? Кого-то он напоминает... Кого?

Два иподиакона ввели бледного Адама. Вид у семинариста был таким, точно его самого сейчас начнут в чём-то обвинять. После веле-ния говорить Адам, бегающими глазками ози-раясь на Георгия, быстро выпалил:

— Могу свидетельствовать одно: он — непростой. Не ведаю, хорошо это или плохо, но он далеко не простец — и судить не мне. Я не виноват, что он такой. Об амурных делах спросите у самого Гоши.

Адама отвели в сторону и поставили возле солеи.

Вошёл раскрасневшийся Богдан. Юноша выглядел сконфуженным, словно его разде-тым привели сюда прямо из бани. Молчал. За-минка затягивалась не по чину. Диакон мало-заметно дёрнул сзади семинариста за подряс-ник. Богдан слегка прокашлялся, давая по-нять причину своей задержки, и начал:

— На мой субъективный взгляд, обвиняемый Георгий — из разряда странных, чудаковатых личностей. Вполне допускаю, что он на полном серьёзе может отправить кому-нибудь на тот свет своё послание, с полной уверенностью в получении адресатом. Или обвиняемый умыш-ленно хочет быть странным? Зачем? Юродству-ет?! Ради чего? Цирк уехал, а один клоун остал-ся. Альковные дела оставляю в стороне. Мне как духовному лицу в будущем она сфера про-тивопоказана. При условии хотя бы лёгкого ду-ховного врачевания, брат Георгий, возможно, станет положительным примером православ-ного христианина. Ибо как человек он, кажет-ся, добрый, начитанный, трудолюбивый...

Богдана неожиданно перебил опекун Гоши:

— Прошу слова!

Храм сковала гулкая тишина.

Из ослепительного алтаря прозвучало:

— Можешь говорить.

Не сходя с места возле Шалашникова, пере-бивший Богдана к Богдану и обратился:

— Разве в духовной семинарии не учат эле-ментарному правилу аскетики на случай «ка-жимостей»? От чего ты предлагаешь исцелить этого человека? Сказано же вам: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как напи-сано: уловляет мудрых в лукавстве их». Неуже-

ли слова панихиды и евхаристические молит-вы об усопших не достигают другого — невидимого — берега жизни? Или для тебя всё это не послания?!

Богдан вместо красного приобрёл почти фи-олетовый цвет. Он попробовал оправдаться:

— То ведь — Богу, а я говорил о послании людям.

— А разве люди там пребывают не в Боге? — осадил его говоривший, прострелив взглядом.

Семинарист затрепетал:

— Я не осуждаю. Хотел как лучше...

Повисло в воздухе безмолвие. Храм продол-жал наполняться умным светом.

— Отведите юного скрытого завистника на колокольню. Пусть остынет, подумает и заод-но, дабы не отвык, понесёт славное послуша-ние звонаря. Звон врачует, — озвучил свою во-лю Великий Архиерей.

Иподиаконы тут же удалили Богдана из храма.

На смену ему появилась Полина, жена Гоши — модная блондинка с фривольным взором. Когда её поставили в центре подкупольного квадрата, она, поморщившись, без всяких це-ремоний сразу же сообщила:

— Подаю на развод. Хватит! Ибо и Бог разре-шил разводиться в случае неверности одного из супругов. Это же сущее свинство, коего я считаю себя недостойной.

В алтаре возникло непонятное движение. Стараниями рук Георгий отчаянно попытался защитить глаза от света. И всё-таки руки здесь мало что могли сделать. Требовалось необык-новенное усилие души. Она запредельно нап-ряглась и... обрела зрение. Светился сам Вели-кий Архиерей, а не просто огромное количест-во свечей. Шалашников ещё больше напряг внутренние силы и заметил, как с синего бар-хата скамьи поднялся один из иерархов (Геор-гий узнал в нём доброго седовласого старца), который кротко обронил:

— Владыко, позволь слово молвить.

— Слушаем тебя, возлюбленный.

Старец, расправив на себе складки полис-таврия, продолжил:

— Никакой измены не было. Существует ве-роятность того, что она могла произойти, но в реальности её нет. А вот сия молодая особа

(епископ указал на Полину) воистину дважды изменила своему мужу, как ни старался я таковому погубительному действию препятствовать.

Полина, скривив губы, возразила:

– Имею право.

– Кто тебе его дал? – спросил старец.

– Бог! Бог дал мне свободу воли. Разве не так? И нечего лезть в личные дела. Я же в ваши не лезу.

Старый епископ, махнув рукой, сел на место.

«Богдана спровадили на колокольню фактически лишь за осторожный подход, а высокопреосвященство гнёт в сторону католического юридика – и все молчат», – подумалось Адаму, удачно сдавшему зачёт по церковному праву на прошлой неделе.

Великий Архиерей произнёс:

– Дух животворит, а буква убивает. А ещё заповедано до скончания мира: «Да любите друг друга».

После чего распорядился обождать Полине и Адаму в притворе.

Оттуда навстречу им проследовала женщина предпенсионного возраста – тёща Шалашникова Зинаида Зиновьевна.

Иподиаконы поставили и её в центре храма.

Она, недолго думая, вспыхнула, подобно дочери:

– За что? Прожито трудное детство, лучшие годы отданы стране. Какой позор...

Зинаида Зиновьевна поднесла носовой платок к глазам, но она то ли смотрела мимо алтаря, то ли, ослеплённая слезами и светом, не видела Великого Архиерея, поскольку с её накрашенных губ сорвалось:

– Товарищ судья, обязана доложить: этот... (говорившая запнулась, подбирая слово, но, так ничего и не подобрав, покрутила пальцем у виска) каждое воскресенье ходит в церковь. Представляете?

– И что?

– Искалечил жизнь моей дочери.

– Чем?

– Женишьбой! Я сразу была против их брака. Вы же знаете мужчин: в каждом из них притаился кто? Верно! Особь, стирающая свои корыстные интересы ниже поясного ремня. Фрейд на редкость оказался честным джентль-

меном. Мужскому собранию, правда, трудно понять здесь столь деликатную точку зрения слабого пола. Прошу учесть.

Гоша по обыкновению заскрипел зубами.

Когда взгляд Зинаиды Зиновьевны встретился с его взглядом, женщина не сдержалась:

– Заработал на Магадан? Тоже мне, дизайнер!

Великий Архиерей обратился к обвиняемому:

– Почему ты выбрал эту профессию?

Шалашников не ожидал такого вопроса, засмутился, но, вспомнив совет своего благодетеля говорить только правду, нехотя ответил:

– Сначала привлекло броское слово. ДИЗАЙНЕР! Звучит современно, громко, многообещающе. А во время учёбы нам, студентам, объяснили: дизайнер занимается формированием жизненной среды целых народов. У немецкого философа Мартина Хайдеггера термин «дазайн» означает «здесь-бытие». Меня это увлекло. Настоящий специалист в нашем деле познаёт волю народа: как он хочет жить? И своей личной волей я призван соединиться с волей народной. Иначе не улучшить общую жизнь. Без хорошего дизайна нет счастливого дазайна! Простите за каламбур. Сегодня вынуждает задуматься главная проблема моей профессии: каким образом учесть волю Божию в условиях, когда мир распоясался и открыл войну против своего Творца?

– Не слушайте его, товарищ судья! – вставила слово Зинаида Зиновьевна. – Любит он, греховодник, наводит тень на плетень. Эх, если бы был жив мой муж...

Не выдержала на хорах до сих пор терпевшая Надежда:

– Тётя Зина, побойтесь Бога! У вас мужика никогда и не было ведь. Все же знают. Могу документ достать.

Зинаида Зиновьевна на мгновение онемела, а потом и Надежде покрутила пальцем у виска:

– Экая Цецилия... Мало тебе лоха зятя!

А тут ещё и заступник Гоши добавил, будто копьём уколел:

– Мы успели выяснить, что твоя дочь вдвое виновней.

Отец Трифон покинул алтарь и попытался

женщину успокоить, однако его старание оказалось напрасным. Страсти накалялись:

— В чём дело? Товарищ судья, у меня на руках повестка; в ней сказано: я — свидетельница по делу обвиняемого Шалашникова, моего... (говорившая опять запнулась, подбирая слово, в результате — лихо провела ладонью над теменем). То же самое написано в повестке дочери. А выходит — это мы с ней обвиняемые?

Из алтаря послышалось:

— Так бывает. Особенно с теми, у кого нет на устах слова «прости».

Зинаида Зиновьевна теперь приставила ладонь ребром к переносице и, выглядывая из-под неё, совсем не смешно осклабилась:

— Что за суд? Адвокат зятя выступает в роли моего прокурора (тоже мне, змееборец!), да ещё и фамильярничаёт со мной на «ты». А судья спрятался в крошечной тьме (стыдно стало?) и, по сути дела, превратился в адвоката подсудимого. Перед кем извиняться? Перед мужчинами?! Мне самой впору подавать на вас жалобу в высшие инстанции.

«Змееборец» глянул на отца Трифона и рубанул рукой по воздуху. Наотмашь. Накрест. Но зримо лишь для иерея.

Священник наклонился и что-то сказал на ухо женщине. Та сразу же осеклась, залепила рот руками и на цыпочках попятилась к выходу.

После возникшей паузы захотела высказаться Надежда. Ей позволили, напомнив о желательной краткости.

— Теперь вы поняли, почему я позвала к себе Георгия? — обратилась она к епископам. — Чтобы полюбить, человек сначала должен доверять тому, с кем собирается связать свою жизнь. Известная истина. Это так же, как в Церкви: через изначальное доверие мы затем приходим и к глубокой вере. О чём вы знаете лучше меня. В любви тоже нельзя без веры. Кто за врага пойдёт замуж? Любишь того, кто кажется тебе всю жизнь родным и верным, хотя знаешь его совсем недавно. Есть большая вероятность ошибиться, тем не менее человек всё равно обречён доверять, ибо нет другого пути к любви. Без доверия нет внутренней цельности человека. Ревность потому и оскор-

бительна, что разрушает непреложное доверие, а значит, целостность взаимоотношений мужчины и женщины. Простите за мирские аргументы. Но прошу Суд учесть: Георгию я почему-то доверяю... С другой стороны, зададимся вопросом: остались ли для него благополучные варианты в этой семье? Что будет дальше? Пустота или любовь. Неволя формальности или настоящая свобода выбора. Благословите и мне выбрать, дабы таким образом покончить с одиночеством, открыть себя для Другого. Да, я нарушаю кодекс суда присяжных: заседатель не должен на открытом процессе выступать в поддержку подсудимого. Потому добровольно слагаю с себя вверенные мне полномочия. Ибо любовь рождает жизнь, а буква закона... — Надежда замолчала, не в силах продолжать дальше. — Прошу понимания и прощения...

Она поклонилась в сторону алтаря, поведя рукой вниз. Движение получилось естественным, пластичным, законченным. В нём различимо обнаружилась исконная древность поклонов кротких русских женщин.

— Ты сама себя сделала одинокой, недавно отказав в доверии прежнему поклоннику. Впрочем, это, кажется, жертва... Считаешь Георгия более надежным? — очаровательно улыбаясь, поинтересовался энергичный спутник Шалашникова. И серьёзным тоном добавил:

— Однако мы до сих пор не слышали последнего слова обвиняемого,

— Это верно, — отозвались иерархи.

Георгию диакон выразительным жестом указал на место, где совсем недавно стояли жена и теща.

Перекрестившись, Гоша начал с того, что упрекнул себя в неумении организовать собственную жизнь. Всё дело заключалось для него в воле, точнее, в её отсутствии. Она часто бездумно принимается чужая или столь же бездумно кому-то навязывается. А ведь воля — это свобода. Это жизнь духа, его энергия и в то же время — её результат. Гоша сознавал высоту тех, перед кем объяснялся; попросил извинить его за, возможно, излишнее напоминание известного факта: для Максима Исповедника воля всегда означает отношение к «другому». Но как люди относятся друг к другу?

Шалашников с оговорками позволил себе обратиться к философии. Не случайно Шопенгауэр писал о воле к жизни, а Ницше — о воле к власти, хотя обе они неразрывно взаимосвязаны для западноевропейца в ключевом понятии «произвол». При этом забыта главная воля — Божия, решившая сотворить саму жизнь. Георгий себя ругал: именно нарушая волю Божию, ограничив себя лишь собственной самостью, он торил путь к Наде, хотя воля праведников напоминала ему о себе. Поэтому в качестве самоосуждения выступавший не побоялся закончить речь цитатой известного русского святителя: «Держащийся своей воли повреждает и погубляет этим все свои добродетели».

— Раз так, то сможешь ли ты простить Аполлинарию? — осведомился Великий Архидиакон у обвиняемого.

— Она до настоящего времени не каялась, — ответил Георгий, и на душе у него заскребли кошки.

Тогда в алтаре было решено вернуть из притвора удалённых.

Полина, видимо, просвещённая Адамом, а скорее, устыженная словами старого епископа (или преображённая светом из алтаря?), брела понуро. Тигровый шарфик, до того болтавшийся у неё на груди, теперь покрывал крутые светлые локоны. Глубокое декольте она накрест положила кистями рук, и возникало впечатление, что молодая женщина собралась причаститься. За ней следовал Адам, тоже потерявший себя, но уже не бледный.

Никто и ничего не хотел больше говорить.

Диакон подал заступнику Шалашникова знак, призывавший того в алтарь.

У боковых врат восточный красавец, оглянувшись, улыбнулся Гоше. По губам можно было прочитать несколько тихих слов:

— Живи по правде. До встречи!

Неизвестный, но полюбившийся друг скрылся.

На кого же он похож? И ведь явно похож...

С памятью сегодня беда...

Почему-то стало тревожно. Оно и понятно: мало хорошего остаться без защитника.

Каков будет приговор? Каково наказание?

Диакон всё ещё деловито ходил по соле.

Он, глядя на хоры, позвонил невидимым колокольчиком в руке и лишь затем окончательно удалился в алтарь.

Надежда, встретившись взглядом с Георгием, интригуя погрозила ему пальцем, потом успела согласно кивнуть диакону и через окно тем же играющим жестом позвонила Богдану на колокольне.

Грянул звон.

Даже по первым звукам становилось понятно то, как старается семинарист. Колокола заливались...

С началом звона неспешно пошли навстречу друг другу створки Царских врат. Они скоро сомкнулись, сделав недоступными для глаз блистающего Великого Архидиакона и епископов на синтроне. В щели оставалась заметной бегущая алая завеса, скрывавшая врата со стороны алтаря. Она наполнилась светом и превратилась в кровавый закат. Однако сам свет весьма тусклыми отблесками проникал теперь в храм. Возможно, поэтому и зажгли паникадило.

Георгию показалось, что в храме поселился вековой покой. Только огоньки свечей и лампад, горевшие теперь ярче и без всякого дыма, едва заметно колыхались из стороны в сторону, словно подтверждали не какую-нибудь голографическую реальность, а настоящую, нет, сверхнастоящую действительность. Огоньки навсегда стали неугасимы. Воздух благоухал афонским ладаном, очевидно, от кадильного фимиама из алтаря. Установилась тишина; такой Гоша не встречал целую жизнь. Некоторое время лишь Богдан обрамлял её своим звоном, и всё же наступил момент, когда смолкли и колокола.

В душе тревога обернулась грустью. Какая любовь к близким дорогим людям без неё? Впрочем, грусть таинственно перерождалась в неопишное блаженство. Кто его испытывал, тот знает. Отчего душа всегда почему-то плачет.

По щеке Шалашникова поползла слеза, но он не устыдился её, не отёр.

Невесомо спускалась с хоров великолепная Надежда. Так сходить могла только она. Даже старая разохшаяся певучая деревянная лестница под ней на сей раз молчала. Слева в сто-

роне, склонив голову, закрывала лицо руками Полина. Из притвора возникли фигуры Богдана и мигом сбегавшего за ним Адама. Запыхавшиеся братья устали на Царские врата, замерев столбами по обе руки от Гоши.

Извне (с улицы? или из коридора, по которому попал в храм Георгий?) донёлся нарастающий гомон, похожий на утреннее многоголосье лесных птиц. Прозвучал внезапно и завораживающе. Количество пернатых умопомрачительно нарастало и приближалось к храму с каждой секундой. Во всяком случае, так слышал обомлевший Шалашников.

Картина прояснилась, когда тяжёлые деревянные двери притвора распахнулись и в храм наводнением хлынула огромная толпа детворы. Большинство её были дошкольниками. За считанные минуты стало настолько многолюдно и тесно, что Георгий, Богдан, Адам, Полина и Надежда оказались прижатыми друг к другу. Даже хоры переполнились детьми.

— Не кажемся ли мы со стороны островом в сияем ювенильном море? — неизвестно кого задумчиво спросил Гоша. — Но где отныне та или иная сторона, чтобы с неё посмотреть?

Несколько детских голосов зазвенело:

— Воскресение Христово видевшие...

Сразу же, став волей единой и неоспоримой, к ним присоединился весь храм, вместе с «островом».

После слов «...распятие бо претерпев, смертию смерть разруши» голоса разделились на два клироса. Второй клирос подхватил:

— Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...

И когда праздничный тропарь полностью был пропет, — погасло паникадило; долгожданно для «острова» двинулась, наконец, в обратную сторону завеса; медленно начали открываться главные врата храма.

Какова будет воля свыше?

Из безлюдного алтаря ударил свет, и на амвон вышел с Чашей сияющий отец Трифон.

□

Виктор Семёнович КУТКОВОЙ

родился в 1949 году на Кавказе.

Автор пяти монографий и более семидесяти научных статей,

а также романа «Царская земля»,

повести «Посреди нас» и многих рассказов.

Публиковался в журналах «Москва», «Роман-журнал XX век»,

«Русская провинция», «Духовный собеседник», «София» и др.

Член Союза художников РФ.

Кандидат философских наук.

Живет и работает в Великом Новгороде.

В журнале «Север» публикуется впервые.

